

На правах рукописи

ШЕСТЕРКИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА

**ЯЗЫЧЕСКИЙ СУБСТРАТ
КАК ВЕРБАЛЬНО-КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КОНСТАНТА
МИФОРЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ РУССКОГО
И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВЫХ СООБЩЕСТВ
(на материале фольклорных текстов)**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2018

Работа выполнена на кафедре теории речи и перевода Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор кафедры теории речи и перевода Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева **Янссен-Фесенко Тамара Александровна.**

Официальные оппоненты:

Пименова Марина Владимировна, профессор, заведующий кафедрой иностранных и русского языков ФГКВОУ ВПО «Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева»

Постникова Светлана Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной лингвистики Института филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Нижегородский национальный исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского»

Кулькова Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Института филологии и межкультурной коммуникации им. Л. Толстого ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Ведущая организация: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Защита состоится « 6 » сентября 2018 г. в 9-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.12 при «ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу 420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, ул. Кремлевская, 35).

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета (<http://www.kpfu.ru>) и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ (<http://vak.ed.gov.ru>).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета, доктор
филологических наук

Мардиева Л.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предлагаемое диссертационное исследование посвящено проблеме вербализации языческого субстрата как реликта религиозного сознания и «сгустка» мифорелигиозной памяти, который репрезентирует сохранившееся фантазийное представление человека о мире в то время, когда рождались мифы и формировалось мифорелигиозное мышление. Со временем религиозный мир радикально изменился, язычество сменило христианство, но *священное и сверхъестественное* сохранило свое **актуальное присутствие** в языковой традиции общества. Архаическая часть языков обнаруживает достаточное количество общих проявлений мифологического сознания как составляющей языковой мифорелигиозной картины мира (МРКМ), в частности, русской и немецкой. Многие мифоконцепты сохранились до наших дней, приняв облик реалионимов, трансформируясь и адаптируясь к новым условиям.

Отсутствие комплексных исследований вербальной репрезентации религиозного сознания и мифорелигиозной памяти русского и немецкого языковых сообществ в контексте современных научных парадигм обусловило наш интерес к заявленной проблематике и позволяет отметить безусловную **актуальность** предлагаемой научной работы.

Выявление новых лингвистических и внелингвистических фактов, связанных с феноменами мифорелигиозной картины мира (МРКМ) различных лингвокультурных сообществ, является, бесспорно, **актуальным**, ибо новая парадигма нашего исследования отличается не только междисциплинарным характером, но и своим вкладом в разработку концептуальных категорий в сфере лингвокультурологии, этнолингвистики и лингвофольклористики с учетом современных базовых лингвокогнитивных и концептологических теорий.

Значимую роль в изучении **языческого субстрата как вербальной репрезентации религиозного сознания** играет универсальное поле языковой картины мира (ЯКМ) любой нации, где представлены социально-

общественный, культурно-исторический, профессиональный и бытовой опыт его носителей. Тем не менее, большой пласт значений сохранившейся языческой картины мира в рассматриваемых русской и немецкой языковых традициях **не являлся объектом** специального исследования, хотя на христианство, безусловно, повлиявшее на духовную культуру многих народов, оказало определенное воздействие и язычество. Так, в церковных книгах, литургиях, иконописи, а также во многих жанрах народной культуры (в приметах, обычаях, поверьях и др.) сохранились «осколки» древних верований, которые временами превалируют над христианскими. Но многобожие было заменено на теизм (с греч. *теос* – «бог»), в силу чего языческие боги и мифологические герои стали «нечистой силой», а единый Бог стал считаться творцом всего живого. В Германии подобные события совершились гораздо раньше, чем в России.

Как отмечает в этой связи С.М. Толстая, христианство и устная народная традиция представляют собой две культурные модели, действовавшие со времени принятия славянами христианства в одном этнокультурном пространстве и различавшиеся, прежде всего, происхождением и временем возникновения: если устная традиция имеет корни в самой глубокой древности, то христианство как лингвокультурная модель возникло в историческое время и покоится во многом на фольклорной основе. По своему содержанию эти системы могут быть противопоставлены как *мифологическая* и *религиозная*; по «жанровому» составу обе сочетают в себе определенный круг представлений о мире с развитой ритуальной формой и обширным корпусом текстов. Мощный пласт усвоенных народной традицией христианских ритуалов, образов, символов, мотивов, текстов во многих случаях подвергался мифологическому осмыслению и адаптации в соответствии с традиционной дохристианской «картиной мира» [2015: 111].

Устная традиция во взаимоотношении с христианской культурой проявила себя в целом как гибкая, активная культурная система, способная

усвоить и переработать, перевести на «свой язык» и наполнить своим содержанием большой корпус «чужих» элементов и текстов, включить их в свой дискурс и в течение тысячи лет обходиться с ними как с собственными культурными ресурсами, привнося, таким образом, кардинальные изменения в существующую церковную картину мира и способствуя возникновению новой КМ смешанного характера. Для обозначения следов «побежденной» КМ используется термин *субстрат*, а закрепившиеся элементы внешней картины мира обозначаются как *суперстрат*.

Необходимость детальной и углубленной разработки проблемы организации и вербальной репрезентации религиозного сознания и МРКМ обусловила выбор в качестве **объекта** нашей работы русских и немецких мифоконцептов-реалионимов комплексов «Человек – Природа» и «Природа – Культура», которыми представлен кластер «НЕБО», наглядно отражающий особенности обыденного религиозного сознания в традиционной и современной языковой традиции и реализующийся на уровне слова. Выделенные комплексы выступают важнейшей константой национальных картин мира русского и немецкого языковых сообществ, что позволяет нам в качестве обобщенного **объекта** работы заявить вербальные и ментальные структурные компоненты МРКМ, составляющие кластер «НЕБО».

В контексте заявленной темы логичным представляется выделение в качестве **предмета** исследования концептуальных и семантических особенностей номинативных единиц, вербализующих языческие и христианские элементы МРКМ кластера «НЕБО» (мифолексемы и мифоконцепты) в русско- и немецкоязычных фольклорных текстах (заговорах, загадках) и структурирующих определенные фрагменты мифоритуальной модели мира указанных языковых сообществ.

МРКМ рассматривается нами как «системно организованное информационное образование», включающее в себя «исходные данные» относительно не только устройства мира и места в нем человека, но и «прототипических сценариев взаимодействия компонентов мира» [Колесник

2009: 80]. Сформированная в контексте национальной мифологии МРКМ соотносится с ядром семиосферы этноса, а посему является неотъемлемым компонентом национальной лингвокультуры. Статус МРКМ исторически вариабелен: она обнаруживает совпадения с архаической картиной мира, в разные периоды вытесняется на ее периферию, но опять возвращается в ее околоядерную зону; однако она не исчезает и, в силу наличия иррационального компонента в сознании индивидов, обуславливает появление вторичных мифов в культуре [Там же].

Основной **целью** нашей работы является описание базовых констант архаических религий в сопоставляемых языковых и ментальных средствах выражения мифологического пространства кластера «НЕБО» русских и немцев с позиции когнитивного и сопоставительного языкознания, что позволит конкретизировать общие представления о МРКМ указанных языковых сообществ, память о которой закреплена в материале фольклорных текстов. Изучение этих ментально-вербальных феноменов позволит выявить особенности мифологического и религиозного сознания древнего человека, выраженного вербально и сохранившего свои черты в современном фольклоре, и установить сходство / различие в его структурно-когнитивной и семантической организации.

В русле поставленной цели определены **конкретные задачи** исследования:

1) выделить сущностные параметры МРКМ и мифоритуальной модели мира кластера «НЕБО» в русской и немецкой лингвокультурах, обусловивших их формирование и вербализацию, и установить доминантные черты данных картин и моделей мира в обоих языковых сообществах с привлечением языкового и концептуального контекстов;

2) определить основные мифоконцепты, составляющие языческую концептосферу в рамках кластера «НЕБО», и выявить как специфичные, так и универсальные для разных жанров концепты, «хранящие» фольклорно-языковую информацию древних времен;

3) изучить этимологические характеристики материала фольклора и выявить имеющиеся в нем концептуально-вербальные константы языческой религиозной памяти и фольклорно-языковой картины мира (ФЯКМ);

4) определить содержащиеся в мифоконцептах лингвокультурные смыслы и установить способы выражения сакральности в текстах разных типов, уточнив специфику их функционирования и интерпретации;

5) выявить специфику мифоконцептов по сравнению со смысловым содержанием соответствующих концептов в современном языке; проанализировать особенности характера закодированной образности русских и немецких мифоконцептов;

6) выявить и охарактеризовать основные концептуально-вербальные особенности заговорной КМ и КМ народной загадки в ФЯКМ;

7) определить систему универсальных и уникальных концептуально-вербальных компонентов языческого субстрата в анализируемом языковом материале с учетом возможных лакун;

8) выявить сферу основных языческих верований русских и немцев с опорой на концептуальное содержание языкового материала.

Материалом для нашего исследования послужили зафиксированные на сегодняшний день в различных сборниках русские и немецкие тексты заговоров и народных загадок с ключевыми мифоконцептами и мифолексемами (см. список источников) общим количеством ок. 4000 единиц (2800 русских и 1200 немецких). Для сравнения результатов исследования мы привлекли и анализируем данные других индоевропейских языков, т. к. установление сходств и различий в неблизкородственных языках помогает выявлению общего и частного, универсального и уникального на уровне массового сознания нации. Используются толковые, лингвокультурологические, фразеологические, историко-этимологические, одно- и двуязычные словари и справочники изучаемых языков.

Для решения поставленных задач в работе используются особые методы проведения комплексного анализа практического материала и приемы

частных исследований, иллюстрирующие **новизну** исследования. Всестороннее изучение заявленной научной проблемы потребовало применения **комплексной методики исследования**, основу которой составляют: метод сопоставительного анализа, кластерный анализ, методы концептуального (с привлечением пропозитивно-ассоциативного фрейма) и компонентного анализов, метод этимологического анализа, анализ множественной этимологии, мифореставрации и метафорического моделирования.

Специфика анализа репрезентативных констант древних религий заключается в следующем:

- впервые в отечественной лингвистике предметом исследования являются мифорелигиозная картина мира и мифоритуальная модель мира как единство языка и концептосферы;

- сопоставительное исследование кластера «НЕБО» проводится на материале двух неблизкородственных языков (относящихся к разной языковой группе индоевропейских языков);

- впервые сопоставительное изучение языческого субстрата мифоконцептов русского и немецкого языков проводится на материале народных загадок и заговоров;

- впервые народные загадки манифестируются как десакрализованные тексты, сохранившие в себе достаточное количество сакральных элементов;

- выявленные нами мифоконцепты впервые рассматриваются как комплекс типизированных мифологических, религиозных и фольклорных смыслов, инкорпорирующих в себе традиционные ориентиры народов и их мировоззренческие установки;

- представлен вербализованный вариант религиозной памяти на ограниченном фрагменте МРКМ русского и немецкого народов; анализируемая лексика интерпретируется нами как этнорелигиозный элемент текста, читаемый посредством реконструкции семантического архетипа;

– мифологическая концептуализация обоснованно представлена в работе как лингвокогнитивный феномен;

– впервые в рамках сравнительных исследований нами определена и репрезентирована парадигма универсальных и уникальных образных основ мифоконцептов-реалионимов русско- и немецкоязычных сообществ;

– впервые в ракурсе фантазийного мира рассматриваются проблемы соотношения языка и мышления, языка и сознания.

Научная гипотеза исследования заключается в том, что фольклорная концептосфера является выражением уникальных особенностей немецкой и русской ментальности и специфическим репрезентантом мифорелигиозной памяти указанных языковых сообществ, поскольку язык фольклора служит одним из базовых средств вербализации народной культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Изучение взаимосвязи и взаимообусловленности языка и религии очевидно в формате антропологического направления в лингвистике, т. к. религия является ценностью, кодируемой языком, а связь языка и религии помогает детально охарактеризовать национальное сообщество, его мировосприятие и самосознание, что является актуальным в рамках этнолингвистической и лингвокогнитивной парадигм. Источники языческого субстрата обоих языков универсальны, это мифология, возникновение и распространение языческих религий, религиозные ритуалы, христианство.

2. Мифосознание является эмоционально-ценностным, субъективным построением, инкорпорирующим многослойные синкретические структуры, фрагментарно вербально презентуемые в древних текстах, коими можно считать народные загадки и заговоры, что позволяет говорить о *вербальном мифологическом сознании*.

3. Центральная проблема мифосознания представлена универсальными оппозициями *человек – природа, природа – культура, микрокосм – макрокосм*. В контексте мифомышления возможны интерпретация и лингвоментальное моделирование отраженного в сознании мира. Так, модель

мира загадок сильно отличается от модели заговорного мира, поскольку структурирование пространства различно в разных жанрах, в то время как категория времени является постоянно и неизменно повторяющимся циклом, тесно связанным с пространством (мифологический хронотоп).

4. Поскольку мифосознание наглядно отражается в фольклорных текстах, то его «реконструкция» базируется на осмыслении текстов и анализе каждого отдельного мифоконцепта, который обнаруживает ряд образов, понятий и ассоциаций, воплощающих особенности мировидения древних народов. Такие слова-архетипы, как названия небесных светил, например, презентуют комплексные представления древних культур о развитии мира с учетом архаических элементов.

5. Фольклорные тексты анализируемых нами языковых сообществ обнаруживают как определенные совпадения, так и различия в интерпретации некоторых явлений, что можно объяснить универсальными прагматическими интенциями интерпретатора. Отдельные типы заговорных текстов имеют общую референцию, сходное лексическое наполнение и ситуативный контекст. В обеих традициях отражены космологические представления, связанные с первоэлементами стихий, анимизацией и антропоморфизмом небесных светил, двух- или трехчастность модели мира. Проникновение в заговоры и загадки космологических представлений указывает на регулярность ритуального обращения к прецеденту первотворения с целью сохранения мироздания.

6. Древние тексты наглядно отражают основные компоненты религиозного языческого мифосознания: синкретизм (в загадках объединение в одном слове множества образов), анимизм (одушевленные образы небесных светил и стихий), тотемизм (лежащие в основе космологических загадок зооморфные образы, а также поклонение животным), магизм (вера в произнесенное слово в заговорах), антропоморфизм (многочисленные примеры персонификаций анализируемых образов), фетишизм и т. д.

7. Расхождения в количественном соотношении языкового материала свидетельствуют об определенном различии ценностных ориентиров в мировосприятии русского и немецкого народов, что находит свое отражение также в содержании их концептуального сознания.

8. Изучение космогонии и космологии в русском и немецком языках на основе кластера «НЕБО / HIMMEL» позволяет выявить связанные с соответствующими денотатами сферы ЯКМ, которые имеют собственную специфику развития значений, синтагматики и парадигматики. При анализе любого явления, оформленного вербальными средствами, необходимы специальные методические приемы, а также синхронно-диахронный подход, который релевантен для сравнительно-сопоставительного анализа, ибо языки далеко не одинаково развиваются во времени и пространстве.

9. Анализ образов, формируемых в русском и немецком кластерах «НЕБО / HIMMEL», демонстрирует как универсальность мифологических моделей, так и их национальную специфику. Выделенные репрезентативные компоненты указывают на избирательность фольклорного и религиозного сознания, фокусированную на наиболее ценностных признаках небесных явлений. Совпадения культурных коннотаций в сравниваемых языках базируются на исторических связях обоих народов, схожести их мифологического сознания, а также на общности источников заимствований.

10. Потенциал культурных коннотаций слов-реалионимов в контексте фольклора реализован как в положительных, так и отрицательных оценочных представлениях. Обобщающим источником бинарных оппозиций являются дихотомии *верх – низ, свет – тьма, жизнь – смерть, добро – зло, хороший – плохой*, определяющие многомерность фрагментов ФЯКМ.

11. Концептосфера фольклора, содержащая «следы» языческих религий, характеризуется иерархической организацией, которая находит отражение в языковом материале. ФКМ предстает как перекодированная форма представления традиционной лингвокультуры, как объединение мифологического, языческого, религиозного и народно-православного

миропонимания. Анализ русской и немецкой ментальности на базе фольклорной концептосферы как основы ФЯКМ имеет определяющее для нашей работы значение, ибо язык фольклора воплощает традиционные мифологические, религиозные и фольклорные смыслы.

12. Выявленные нами базовые мифоконцепты русского и немецкого кластеров «НЕБО / HIMMEL» в контексте заговоров и загадок образуют, благодаря их частотности и образности, общефольклорное семиотическое ядро; в немецкой традиции эти мифоконцепты более тяготеют к периферии; причем, если немецкий материал базируется, в основном, на христианских мотивах, то в русском материале преобладает языческий субстрат.

13. Данное научное исследование благодаря своему комплексному и междисциплинарному характеру обуславливает новые направления работы в области концептуализации духовного и культурного мира человека в контексте различных научных парадигм: традиционной, сопоставительной и когнитивной лингвистики, этнолингвистики, этнологии, религиоведения, философии, социологии и других наук.

Апробация результатов исследования. Основные результаты и положения исследования нашли отражение в следующих опубликованных работах: в двух монографиях и в одной статье в коллективной монографии, в 27 публикациях в перечне ВАК РФ для опубликования научных результатов диссертации на соискание учёной степени доктора наук и статьях в научных сборниках разного формата. Результаты исследования освещались на многочисленных конференциях разного уровня, таких конференциях, как: **международные:** «Языки и транснациональные проблемы» (ИЯ РАН, ТамбГУ 2004); «Филология и культура» (ТамбГУ 2005, 2007, 2008, 2009); «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения» (РУДН 2006, 2008); «2-й конгресс фольклористов 2010, Москва»; «Международный конгресс по когнитивной лингвистике» (ИЯ РАН, ТамбГУ, 2006, 2008, 2010, 2012, Челяб. ГУ 2014, СПбГЭУ 2015, Белгород 2017); «Русский язык: исторические судьбы и

современность» (МГУ 2007, 2010, 2014); международные конференции «Союза германистов России» (СПбГУ 2006, Нижегород. ГЛУ 2010); «Лазаревские чтения: Лики традиционной культуры: прошлое, настоящее, будущее» (Челяб. ГАКИ, 2011, 2013, 2015); «Славянские языки и культуры в современном мире» (МГУ 2009, 2012); «Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения: Новиковские чтения» (РУДН 2009, 2011, 2014); «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, ИРЯ 2009, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016); «Язык. Культура. Общество» (РАН, РАЛН, МИИЯ, 2009, 2011, 2013, 2015); «Жизнь языка в культуре и социуме-3» (ИЯ РАН, РУДН 2012); «Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии» (КазанФУ 2012); «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике» (ИЯ РАН, 2012); «Иностранные языки в условиях глобализации: образование, экономика, культура» (Саранск, Мордов. ГУ 2012); «Пушкинские чтения» (Ленингр. ГУ 2013, 2014, 2015, 2016, 2017); «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии» (МГУ 2013); «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике (на материале славистики и финно-угристики)» (Саранск, Мордов. ГУ 2014); «Перевод в меняющемся мире» (Саранск, Мордов. ГУ 2015); «Вторая мировая война в славянских литературах и языках» (МГУ 2015); «Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания» (МГИМО 2015, 2017); «Фольклорный текст в современном культурном контексте: традиция и ее переосмысление» (Орел: ОГУ, 2016); «Демонология как семиотическая система» (М., РГГУ, 2016); «Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике» (М., ИЯ РАН; 2016); «Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: Языковая личность. Текст. Дискурс» (Кемерово – Ялта, 2016); «Литературные события и феномены XX века: год 2016» (СПб, ИРЛИ, 2017). «Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж.Р.Р. Толкина)» (М.,

МГОУ, 2017); «Свое» и «чужое» в культуре (Петрозаводск: ПетрГУ, 2017); «Понятие веры в разных языках и культурах» (Ин-т языкознания 2017); «Иностранные языки в диалоге культур» (Мордовск. ГУ, Саранск, 2017); **всероссийские:** «Лазаревские чтения. Традиционная культура сегодня: теория и практика» (Челяб. гос. академия культуры и искусства 2006); «Иностранные языки в диалоге культур: политика, экономика, образование» (Мордовск. ГУ 2009); «Внеочередные Лазаревские чтения: дети и современный мир» (Челябинск, ЧГИК 2017); **региональная:** «Иностранные языки в диалоге культур: экономика, политика, образование» (Мордовск. ГУ, Саранск 2005); **межвузовская:** «Внутренний мир и бытие языка: процессы и формы» (Москва, Военный ун-т 2008); **межотраслевая:** «Религиозная коммуникация в пространстве профессионального образования» (МГЛУ, 2014); **зарубежные:** «Алдамжаровские чтения - 2009» (Костанай (Кустанай). «Fraserológické štúdie VI: Nadobné motívy vo fraseológii» (Bratislava, 2014).

В качестве **теоретико-методологической основы** исследования служат работы известных лингвистов, фольклористов, когнитивистов, этнолингвистов, а также мифологов, религиоведов и др. Наше изучение МРКМ как части концептосферы национальных языков базируется на феноменологии религии (М. Элиаде, А. Гейштора), семиотике (Вяч. Вс. Иванова, В.Н. Топорова), неокомпаративистике (Ж. Дюмизеля), исследованиях славянских древностей (Л. Нидерле, Н.И. Толстого, С.М. Толстой и др.) и их предшественников (Л. Леви-Брюля, Л.Я. Штернберга, К. Леви-Стросса, Дж. Фрэзера, Э.Б. Тайлора, А.Н. Афанасьева, Д. Шеппинга, Р. Якобсона, Н.Н. Велецкой, Б.А. Успенского, С.А. Токарева), на корпусе восточнославянских источников о мифологии славян В. Мансикки и др.

Большую роль при написании работы сыграли исследования религии В.И. Ахмадишиной, Э. Брайтмана, Дж. Гиннелльса, К. Гирца, Ф. Гребнера, М. Джастроу, Г. Дрессера, Э. Дюркгейма, В.Р. Кабо, Р. Кодрингтона, С. Кука, Л. Леви-Брюля, Э. Лэнга, Р. Маретта, Р. Мачалека, Дж. Морли, М. Мосса, С. Нейдела, Р. Отто, У. Пейдена, Ю.Ю. Першина, У. Робертсон Смита, Д.

Свенсона, В. Станнера, С.А. Токарева, Е.А. Торчинова, Дж. Фрэзера, Я.В. Чеснова, В. Шмидта, Э. Эванс-Притчарда, А. Эйстера, М. Элиаде, А.Элькина.

Сравнительный подход к изучению русской и немецкой мифологии и религии позволил найти во фрагментарно выявленных реликтах русских и германо-скандинавских верований у обоих народов остатки тех религиозных мифов, которые сохранились до настоящего времени (Ф. Барч, Й. Даль, Ф. Генцмер, Х. Меттке, Р. Отто, Ф. Панцер, Р. Печ, Л. Рёриг, К. Шиттек, В. Шмидт, Х. Узенер, Й. де Вриз и др.).

При изучении христианско-магического пласта в системе заговоров и заговорно-заклинательной поэзии мы опирались на работы Т.А. Агапкиной, С.Б. Адоньевой, В.П. Аникина, А.Н. Афанасьева, О.В. Беловой, Ф.Боаса, Н.А. Богоявленского, Ф.И. Буслаева, Е.В. Вельмезовой, А.Н. Веселовского, А. Ветухова, А. ван Геннепа, А.Я. Гуревича, В.И. Даля, В.Е. Добровольской, Э. Дюркгейма, Е.Н. Елеонской, П.С. Ефименко, Ф.Ю. Зелинского, В.В. Иванова, С.В. Иванова, Р.В. Кабо, М. Кастрена, В.Л. Кляуса, Э. Краулей, Н.В. Крушевского, А. Лайола, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Строса, Е.Е. Левкиевской, А. Леманна, Э. Лэнга, А. Макфарлана, Б. Малиновского, В.Й. Мансикки, Р. Маретта, Т.А. Михайловой, М. Мосса, Е.С. Новик, Н.Ф. Познанского, А.А. Потební, С. Рейнака, У. Робертсон-Смита, А. Рэдклифф-Брауна, И.П. Сахарова, А.В. Степанова, Э. Б.Тайлора, С.А. Токарева, С.М. Толстой, К. Томаса, А.Л. Топоркова, В.Н. Топорова, Т.В. Топоровой, В. Тэрнера, Дж. Уилкена, Дж. Фрэзера, М.В. Хаккарайнена, С.Хартланда, Н. Харузина, О.Б. Христофоровой, В.Шмидта, Л.Я. Штернберга, Э. Эванс-Притчарда, А. Элькина, А. Юбера и др. Релевантным для исследования является понятие *«коллективная религиозная память»*, связанное с именем М. Хальбвакса.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении базовых лингвоментальных констант языческого субстрата, определяемого нами как «сгустка» мифорелигиозной памяти и реликта религиозного сознания, репрезентирующего сохранившееся и отображенное в языковом материале фантазийное представление человека о мире в условиях

архаической культуры. Результаты данного исследования вносят определенный вклад в развитие теории мифологического, религиозного и фольклорного дискурсов, а также теории концептуализации культурной / религиозной памяти. Используемые в диссертационной работе методы анализа мифорелигиозной и фольклорно-языковой картин мира могут применяться также при исследовании других ЯКМ.

Практическая значимость исследования заключается в научном обосновании нового концептуально-лингвистического подхода к анализу субстратных явлений и религиозной памяти. Результаты исследования подтверждают успешность использования подобной методики, они могут быть использованы в процессе дальнейшего изучения остаточных выражений древних религий различных языковых сообществ в вербальных и невербальных памятниках, а также использоваться в теоретических курсах и семинарах по типологии языков, сравнительному языкознанию, фольклористике, этнолингвистике и др. Основные положения лингвистического, этимологического, мифологического и концептуального анализов и полученные выводы могут использоваться в курсах лекций и на практических занятиях по сопоставительной лексикологии, мифологии, лингвофольклористике, религиоведению, истории языка, интерпретации и анализу художественного текста, в лексикографической практике.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников и трех Приложений. Объем работы составляет 531 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** диссертации определяется структура мифологического и религиозного сознания, его базовые константы, а также способы и формы их вербальной репрезентации; дается характеристика жанров анализируемого материала (заговорных текстов и загадок); определяются и характеризуются особенности лингво-концептуальной репрезентации мифорелигиозной

памяти в русском и немецком языковых сообществах на примере анализа отдельных концептов в контексте разножанрового материала.

Первая глава **«Теоретические и методологические основы исследования языческого субстрата в русских и немецких сакральных текстах»** посвящена разработке и представлению теоретического и методологического материала, служащего концептуальной базой предлагаемого исследования, освещению проблем, связанных с моделированием ЯКМ, а также выявлению особенностей других картин мира (мифологической, религиозной и фольклорной) и разработке на данной основе ФЯКМ в русле концептологии, сопоставительного языкознания и когнитивной лингвистики. Здесь дается также характеристика вербального материала, подлежащего сопоставлению в рамках данной диссертации, и детально исследуются такие концептуально важные вопросы, как: 1) дихотомия *священное – мирское*; 2) базовые элементы мифосознания и мифообразов; 3) специфика и функции религиозной и МРКМ; 4) соотношение *мифология – фольклор*; 5) мифопоэтическая КМ и МРММ; 6) мифоконцепт, мифологема; 7) символичность мифолексики, и др.

В параграфе **«1.1 Сакральные тексты как базовые константы языческого субстрата»** определена специфика сакральных текстов (СТ), в содержании которых отражены дихотомии *священное – мирское / профанное / светское (sacrum – profanum)*, закрепленные в человеческом сознании. СТ инкорпорируют в себе знания о многовековом опыте бытия, о культуре и традициях на протяжении исторических эпох. Сакральное / священное – главный аспект любой религии. Контакт с областью священного опосредуется через жертвоприношение, где жертва – посредник между священным и обыденным мирами. Определяющим для сакральности является наличие оппозиции *священное – демоническое*, а также *добро – зло, священное – нечистое, свет – тьма* и т. д. СТ появились в первобытной культуре в форме мифов и заклинаний, гимнов, песнопений-славословий богам, молитв и других текстов, где ярко прослеживается магический тип

мышления. СТ могут редуцироваться в заговор, оберег и другие «магические вербализации», в которых отражена природа дорефлективного мышления;

В контексте СТ большую роль играют **заговоры**, относящиеся еще и сегодня к сфере вербальной магии. Десакрализация смыслов и магических мотивов возможна, когда некоторые звенья в обрядах выпадают, а словесные формулы искажаются, последним стирается вербальный след ритуала. Вследствие этого на основе заговорных формул при их десакрализации появились другие народные жанры: благословение, проклятие, оберег, клятва, анафема, экзорцизм, детская считалка. Одним из важных источников СТ выступают и **народные загадки**, в основе которых лежит табуирование, т. е. религиозные запреты с целью обмана врагов, нечистой силы, природы. Жанр загадки восходит к глубокой древности, когда «загадывание» носило черты ритуала как части культа и средства передачи сакральных знаний. Со временем загадки утратили свою сакральную силу, а десакрализованные загадки перешли в разряд бытовых сказок и анекдотов.

В пп. 1.2, 1.2.1, и 1.2.2 ЯКМ этноса рассматривается нами как «вербализация совокупности ментальных “субкартин”»: наивной, фольклорной, научной, мифологической, художественной, религиозной и др. В данном контексте мифологическая картина мира (МКМ) интерпретируется как составная часть вербально репрезентированной наивной картины мира, как оригинальный способ конструирования реальности, управления обществом и манипулирования сознанием; это целостное миропонимание, где разные представления создают единую картину мира образов, где сочетаются фантазии и реальность, сверхъестественное и естественное, вера и знание, эмоции и мысль. МКМ не тождественна религиозной, ибо религиозная отражает дуалистичность бытия (с одной стороны, сверхъестественное, абсолютное бытие, с другой стороны – бытие самого человека как сотворенное бытие), в то время как для МКМ характерны синкретизм первобытного сознания, фантазийное представление о мире, единство человека и природы [Пименова М.В. 2011: 39].

Среди выделенных нами элементов мифосознания главным является **синкретизм**, где неодушевленное и одушевленное, природа и человек, идеальное и материальное, культура и природа, целое и часть, объект и субъект воспринимаются как единое целое. Древний человек осмыслял себя частью природы (зерном, землей, деревом). Это – **физиоморфизм** человека, который обусловлен направленностью его познавательных действий лишь на окружающий мир, поэтому человек был неотделим от природы. Все явления и вещи в представлении архаического человека обладали душой. В этом заключался присущий данному мировосприятию **анимизм**. Древний человек не выделял себя из природы, что проявлялось в **тотемизме**, который интерпретируется как единство животного-растительного и человеческого мира, основанное на кровнородственных связях человека и природы.

Для родового общества характерно появление еще одного важного элемента мифосознания – **антропоморфизма**, в основе которого также лежит неразличение мира природы и мира человека и связанное с этим одухотворение природы. Но со временем мифопредставления древности вытеснялись реалистическими элементами. «Умственный взор все больше и все глубже начинает видеть земного человека. Нарождаются человековидные боги; нарождаются человековидные герои, <...> нарождается первый мир человека, уже не слитого ни с космосом, ни с животным или растительным царством» [Фрейденберг 1978: 111].

Следующая специфическая черта древнего мировоззрения – **метаморфизм** и его разновидности – **зооморфизм**, **фитоморфизм**, **орнитоморфизм** и т. д. Древнего человека отличает **магизм** – вера в воздействие на желаемую цель с помощью жестов и ритуальных слов (заклинания, заговоры, архаические сказки и т. п.).

Мифологическому сознанию свойственно воплощать все понятия и идеи в образах, в которых мысль объективируется и материализуется. Мифосознание предстает исключительно как поток образов, результирующийся в **мифообразе**, где соединяются общее и единичное,

объективное и субъективное, возможное и сущностное, материальное и идеальное, фантазии и реальность.

В п. 1.2.3 определяется специфика религиозной КМ (РКМ) как совокупности религиозных представлений о происхождении и строении мира, его прошлом и будущем, что позволяет рассматривать ее как базовую составляющую религиозного мировоззрения и составную часть каждой религии. В РКМ крупных религий распространено трехъярусное строение мира (небо, Земля, преисподняя), противопоставление земному (бренному) небесного (совершенного), антропо- и геоцентризм. Христианская РКМ сформирована с помощью синтеза идеи творения и божьего промысла, космологических элементов греческой философии и ряда научных представлений древности, вошедших в геоцентрическую систему Птолемея [Пименова М.В. 2011: 57].

Характерная особенность РКМ заключается в ее сакрализованности. Главным пунктом любой РКМ является образ Бога / богов, которые обладают высшей властью над миром земным. Исследователи выделяют такие признаки РКМ, как конфессиональную ориентированность, отраженную сквозь «призму определенной религиозной доминанты», и ценностность, вытекающую из аксиологической функции. РКМ непрерывно трансформируется, представляя собой процесс формирования религиозных знаний и одновременно его результат. РКМ выполняет ряд следующих специфических функций: 1) **аксиологическая** функция осуществляется как назидательная стратегия, присущая основному религиозному тексту; 2) **интегративная** функция обеспечивает обществу единую основу; религиозные тексты служат трансляции ценностей, являющихся интегративной основой как для отдельного человека, так и для группы, нации, человечества; 3) **моделирующая** функция реализуется в следующем: 1. Религиозные тексты помогают создать РКМ. 2. В процессе формирования модели мира структурируются концептуальные системы человека. Релевантной является и **психотерапевтическая** функция РКМ.

Исследователи выделяют также определяющие характеристики религиозного сознания: **анимизм, аниматизм** (веру в невидимую силу), **символичность, ригидность и аллегоричность**, которая обеспечивает иносказательность в выражении его гносеологических, онтологических и нравственных понятий. **Ригидность** религиозного сознания базируется на незыблемости религиозных истин, конституирующих его основу.

В п. 1.2.4 обосновано выделение **мифорелигиозной** КМ на основании детального рассмотрения отношений **религии и мифа**, что необходимо в рамках нашего исследования. В архаической культуре мифология скрепляет синкретизм «бессознательного-поэтического творчества, первобытной религии и зачаточных форм донаучных представлений о мире» [Мелетинский 2008(а): 9]. Но этот синкретизм не отождествляет мифологию ни с искусством, ни с религией, а противопоставляет мифологию религии. О мифе говорят как о культурной форме, непосредственно предшествующей религии, лежащей в ее основе или являющейся ее «примитивной формой». Религию и миф объединяет множество общих черт: а) миф и религия тесно связаны с ритуалом и предполагают обращение к символическому; б) в обеих сферах есть понятия сверхчувственного и сверхъестественного. В мифологиях в любой период истории и культуры присутствовали боги.

Мифология представляет «коллективную предрелигию», а **фольклор** интерпретируется как бесписьменное «коллективно-безавторское» искусство народа. Главное отличие фольклора от мифологии состоит в том, что если миф выступает как «священное знание о мире и предмет веры, то фольклор – это художественно-эстетическое отображение мира», в правдивость которого нельзя верить. Язык фольклора – символический, знаковый, закодированный. Фольклорный текст сохраняет восприятие мира через народные архетипы.

Миф с отраженным в нем архаическим представлением о мире служит концептуальной основой для фольклора, в текстах которого отражается мифологическое и религиозное сознание. ФКМ – основополагающая часть концептуальной картины мира этноса. В ФКМ результируется сознательная

творческая деятельность народа по конструированию «параллельного мира», то есть ментального подобия действительности. Фольклорный мир не соотносится с реальным и противопоставлен «конкретному бытию», поскольку ФКМ является, прежде всего, художественной картиной мира, сформированной как результат перекодировки нефольклорного (мифологического и этнографического) материала через систему фольклорных кодов путем обобщения, типизации и перевода культурных смыслов на язык поэтической символики. ФКМ отражает фольклорное сознание, понимаемого нами как осмысление мира человеком через призму фольклорных мотивов, сюжетов, образов. Эти «готовые» конструкции структурированы в сознании человека и имеют возможность воспроизводиться в различных ситуациях. Релевантным для нас является изучение роли и места РКМ в общей структуре ФКМ, «оставившей следы» языческих религий в ФЯКМ обоих языков.

В п. 1.2.5 мотивируется использование термина **модель мира (ММ)**, поскольку языковая модель мира (ЯММ) включает только его ключевые компоненты и не отображает реальность «зеркально». ММ предусматривает «обобщенное отображение надсубъективного компонента картины мира в данной традиции в системном и операционном аспектах», а ЯММ представляет собой сочетание «взаимосвязанных семиотических воплощений информации», которая содержится в КМ. Но в каждой культуре ММ имеет определенный набор универсальных, связанных между собой понятий – пространство, время, причина, число, судьба и др. [Гуревич 1972: 30].

Мифопоэтическая ММ основана на системе бинарных оппозиций, набор которых достаточен для описания макро- и микрокосма. В качестве базовой, определяющей асимметрию мифологического восприятия, служит оппозиция *сакральный – мирской*. Элементарные оппозиции соответствуют простейшей ориентации в пространстве (*правый – левый, верх – низ*) и времени (*свет – тьма, день – ночь*), макрокосмическим (*юг – север, небо – земля*) и социальным планам (*мужской – женский, свой – чужой*).

Отдельные ученые оперируют термином **мифоритуальная ММ**, понимая под ней результат традиционного мышления с функцией «свернутого» ритуала. Магический ритуал является «древнейшим сценарием». При коммуникации с миром все ритуальные действия служили языком общения с реальностью или с божеством. Ритуал в архаических религиях выражал культ верховной силы, ее почитания, обожествления, жертвоприношения, поклонения. Основными темами древних ритуалов были сотворение мира из хаоса, круговорот дня и ночи, зимы и лета, жизни и смерти. Смысл ритуала заключался в воспроизведении КМ и должного поведения людей, а его соблюдение выступало залогом как безопасности и процветания общества, так и сохранения его идентичности.

В п. 1.3 «Базовые вербально-ментальные составляющие мифорелигиозной картины мира» речь идет о мифоконцете и мифологеме. Для мифосознания характерна своя символика. Как отмечают исследователи, любое восприятие древних включалось в мистический комплекс, любое явление было не только явлением, любой знак – не только знаком, слово никогда не было просто словом. Мистический комплекс *явление – образ – слово*, характеризующийся одновременностью, нерасчлененностью познания мифоритуальной интерпретации мира и его образов, свойственен прежде всего СТ. В силу этого, базовой единицей анализа СТ служит **мифоконцепт** (далее МК), т. к. религиозный образ, при всей его «примитивной абстракции, питался мифологическими представлениями. Он их перерабатывал, но исходил только из них» [Фрейденоберг 2008: 286].

Синэйдос МК представляет собой **мифологему** (МГ): $МК = \{П + МГ + О^3\}$, где П – понятие, С/МГ – синэйдос (от греч. *syn* – «вместе» и *eidos* – «вид, образ», т. е. комплекс представлений, общий для носителей одной культуры, соотносимый с коллективным знанием), $О^3$ – ментальный образ знака [Кошарная 2002: 46, 87]. Понятие мифологема включает в себя мифосюжеты, сцены, образы, характеризующиеся глобальностью, универсальностью, распространенностью в мире. С.А. Кошарная определяет такие функции МГ:

структурирующую (определяет структурные единицы ментально-языковой картины мира); *кумулятивную* (накапливает и хранит информацию о мифическом мире); *классифицирующую* (устанавливает взаимосвязи, образуя концептуальные поля); *когнитивную* (образует когнитивные структуры); *аффективную, эмоционально-оценочную* (несет оценочную информацию) [Кошарная 2002: 88].

По версии Т.Г. Ивановой, термин *мифологема* следует использовать, когда речь идет о верованиях, явлениях народной культуры, где эстетическое начало еще не стало доминирующим: это представления о низшем демонологическом мире (леший, колдун, покойник и т. д.) и христианского плана (святые Егорий, Илья и т. д. в традиции). При этом учитывается и генетический аспект МГ: «мифологема (как верование) предшествует мотиву (как воплощению в художественных формах)». Если мотив всегда воплощен в вербальном коде, то мифологема может быть выражена также акционально-предметным, например, «договор человека с персонажем из иного мира» (обряд договора пастуха с лешим, человека с чертом в сказке). Т. о., МГ можно рассматривать как «категорию обобщающего уровня, а мотив – как частное воплощение той или иной мифологема» [Иванова Т. 2004: 8–10].

Опираясь на приведенные выше концепции, мы используем в нашей работе понятия *мифоконцепт* (МК) и *мифологема* (МГ). Основной формой вербализации МК в нашем материале является слово (имя), причем эти слова существуют в современных языках и широко применяются в них; как в диахронии, так и в синхронии проявляются мифологические представления об устройстве мира, которые МК кодирует и хранит в свернутом виде.

Подытоживая рассмотрение существующих в разных теориях различных терминов, мы отдаем предпочтение классическому термину мифоконцепт (МК), который при практическом анализе будем называть просто концептом, поскольку данный термин по своему наполнению наиболее оптимально соответствуют задачам нашего исследования.

В п. 1.4 «Специфика исследования сакральных текстов, соотносимых с религиозной памятью» речь идет о символичности и образности лексики, присутствующей в СТ. Опираясь на существующее определение, что «всякий символ есть образ, но категория символа указывает на выход образа за собственные пределы, на присутствие некоторого смысла, неразрывно слитого с образом, но ему не тождественного», многие авторы подчеркивают, что образ составляет базис, над которым надстраивается символ, причем переход от образа к символу «определяется факторами экстралингвистического порядка» [Арутюнова 1999: 338]. Символическое значение появляется только у лексемы, значимой для данного языкового сообщества, она наделена способностью «опредмечивать» определенное умопостигаемое явление в конкретном языке и содержит «вещные коннотации» – образные ассоциации, присущие этому умопостигаемому явлению в сознании носителей языка [Успенский 1997: 146–153]. Символы не создаются, они складываются культурно-исторически.

Символическое значение слова выражает определенные традиционно сложившиеся и условно принятые обществом оценки. Зачастую оно кристаллизуется во фразеологически связанных сочетаниях в компоненте со связанным значением (*темный человек, осеннее настроение*). Символически насыщенный компонент выступает метафоризатором для семантически главного слова с отвлеченным значением. Несвобода такого рода сочетаний обусловлена тем, что один из лексических компонентов переосмысливается, обозначая признак, присущий значению другого компонента сочетания, не претерпевшего переосмысления, и играет роль слова, семантически ключевого для его отождествления в переосмысленном значении, поэтому оно осознается как «связанное», так как указывает на мир и выполняет знаковую функцию только при совместной реализации с определенным словом (или рядом определенных слов). Связанное значение слова обычно сохраняет мотивированную связь с «предшествующим, производящим значением слова, входя в полисемичную его структуру» [Телия 1981].

Таким же образом получают символическое значение в семейных и календарных обрядах предметы крестьянского быта, выполняющие в повседневности разнообразные функции. Народное сознание определило корпус предметов, вещей, материальных компонентов, обладающих полифункциональной способностью. Ритуальные предметы играют важную роль в обряде, конкретизируют его текст, несут в себе символическую и мифическую наполненность. С одной стороны, они выполняют утилитарную функцию, с другой – представляют собой вполне самостоятельный объект, наделенный своими особыми характеристиками. «В системе “вещь – слово” осуществляется акт перевода профанного, бытового, материального назначения вещи в его духовную ипостась, которая к тому же способна расширить собственное смыслопорождающее поле и существовать автономно от исходной материальной природы» [Банкова 2008: 10].

Символическое значение вещи формируется при включении ее в определенный культурный контекст или в обрядовую ситуацию, где значение вещи – это глубинная суть, связанная больше с духовным началом, а не с вещным. Однако в сфере обрядовой народной жизни материальную культуру нельзя отделить от духовной. Предметы крестьянского быта, выполняющие в повседневности бытовые функции, в обряде наделяются магической силой, становятся символами. В обрядовой ситуации коллективное сознание «договаривается» о новой функции вещей (прогнозирования, соединения, согласия, дара, оберега, статуса и др.). Поэтому лексическое значение слова, связанного с обрядовым реквизитом, представлено двумя значениями: собственно материальным и сакральным.

Вторая глава **«Русская и немецкая народная загадка как объект сопоставительного лингвистического исследования»** посвящена рассмотрению специфики происхождения русских и немецких народных загадок, принадлежащих к кластеру **«НЕБО / HIMMEL»** (см. п. 2.1), изучению наличествующих в них мифоконцептов, определяющих их вербально-ментальное содержание, а также выявлению и комплексному

анализу структурированных в загадках мифометафорических моделей (см. п. 2.2 «Следы язычества в русских и немецких народных загадках с отгадкой «небо» / «Himmel»).

Загадки представляют собой поэтические произведения, относящиеся к малым формам фольклора, они считаются локусом сохранения архаизмов, следов язычества, некоторые – реликтами индоевропейского поэтического языка. Их древность предполагает сохранение «осколков» языческого мировоззрения и отражение мифопоэтической модели мира. Загадки дают богатый материал для реконструкции как МКМ, так РКМ и ФЯКМ. Истоки формирования загадок сложились в глубокой древности, загадывание носило ритуальный характер. Подчеркивается связь между загадкой и мифом: «Миф есть ответ, в котором содержится вопрос; загадка есть вопрос, требующий ответа» [Jolles 1968: 58] (*Перевод с немецкого языка наш. Н.Ш.*).

В загадке важное место занимает идея жизни человека в естественном окружении – природа (то, в чем существует человек) и материальный мир (то, что его обслуживает). Дискурсивное пространство загадки имеет набор доминант, среди которых неизменными на протяжении всей эволюции остаются «домены» ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ВЕЩЬ и ВРЕМЯ / ПРОСТРАНСТВО. Для нашего анализа интересны домены «Природа» (природные явления, стихии, ландшафт, флора, фауна), «Время / Пространство» (космос, время, пространство) и «Вещь». Домен «Природа» широко представлен в народных загадках, хотя имя русского и немецкого макроконцепта (*'природа'* и *'Natur'*) в самом домене не фигурирует. Домен «Время / Пространство» относится к онтологическим сущностям, с их помощью человек структурирует свой жизненный мир.

В п. 2.2.2. «Базовые метафорические модели концепта *'небо'* / *'Himmel'* в русских и немецких загадках» детально исследуются мифометафоры (далее – мМ). Как показал наш анализ, мифоконцепты лежат в основе формирования метафорических значений слов, т. к. язык на мифологической стадии развития был целиком метафоричен. Одним из

образных репрезентантов мифоконцептов служат мМ). При их исследовании вскрываются глубинные когнитивные процессы, включающие архаические представления и опыт повседневной жизни. Появление мМ связано с мифологическим образом (МО), интерпретируемым как «отложение пространственно-чувственных восприятий, которые выливаются в форму некой конкретной предметности <...> пространственного характера, в подавляющем большинстве случаев зрительного» [Фрейденберг 1979: 21–27]. Нерасчлененность мышления порождает тождества разных предметов; поэтому часто в древних языках противоположные явления названы одним и тем же словом. Конкретно-образное мышление воспринимало вещь чувственно, а образ воспроизводил только то, что было видимо и осязаемо. Многообразие не осознавалось, но объективно отражалось в образе метафоры. Мифопредставления могли быть только образами, потому что «образ» – это зрительный «внешний вид», «наружная сторона» предмета. МО – это производное мифотворческого мышления с законами мифотворческого восприятия пространства, времени и причины, со слитностью субъекта и объекта [Там же: 17]. Основным видом связи МО служит отождествление объектов различной степени абстрактности, но для мифа это подлинная идентичность [Кассирер 1990: 38]. В древние времена индивидуальное сознание еще не появилось, были только коллективные представления [Фрейденберг 1979: 118]. В мифосознании вид и экземпляры соотносились так же, как часть и целое, т. е. было отсутствие логической иерархии и свободное замещение одного другим [Кассирер 1990: 38].

С позиций когнитивной лингвистики МО определяется как гештальт с образным компонентом, соотносимый в физическом мире с несколькими денотатами, дублирующими друг друга по смыслу и не связанными причинно-следственными связями. В силу слитности представлений одно слово связано с целым комплексом явлений, из которых сформировались противоположные значения [Маслова Ж. 2015: 26]. МО репрезентируется в виде мифологической метафоры, которая принципиально отличается от

традиционного понятия о метафоре. Мифометафора представляет собой «суженный» образ в различных видах и формах его существования. МО оформляется в мМ и репрезентируется в словесной, действенной, вещной метафористике; при этом наблюдается двунаправленность влияния языка на осознание действительности. Признак становится фактом языка, влияющим на восприятие и позднее становящимся источником метафор. «Здесь нет просто “абстрактных” обозначений, каждое слово сразу же превращается в конкретный мифологический образ, в бога или демона... в этом смысле миф оживает и обогащается благодаря языку, а язык – благодаря мифу» [Кассирер 1990: 39–40].

Устанавливая сходство объектов реального и фантазийного миров, мифосознание опиралось на операции сравнения, что обусловило метафоризацию языка. Но в этом ключе метафора есть не троп, а средство осуществления языком когнитивной функции (Ю.Д. Апресян, В.В. Петров, Н.Д. Арутюнова, М.В. Никитин, Н.А. Туранина, В.К. Харченко, Д.Н. Шмелев и др.), при этом в языковых метафорах имплицитно присутствуют мифологические символы. Мифометафора передает образ, сформированный посредством восприятия и ментального отражения объекта одного класса на объект иной кластерной принадлежности с присвоением последнему «чужих» признаков [Кошарная 2002(а): 16–17]. Однако **уподобление в мифе есть отождествление, а не сравнение**. Мифомышление метафорично лишь с позиций современного исследователя, а за неимением другого более точного термина в современных теориях предлагают называть такое мифологическое уподобление *метафорой* [Там же: 17]. В анализе фольклорных загадок мы используем мМ с наличествующими символическими признаками мифа. В народной загадке обнаруживаются структуры, аналогичные формам тропов, определяющих собственно образную часть загадки или характер отношений между вопросом и ответом [Евдокимова 2011: 31]. Загадка структурно близка метафоре, но на первый план выходят отличия от этого тропа: «Загадка, подобно метафоре, говорила одно, а думала другое <...> Но целью своей она

ставила то, что не было свойственно метафоре, – “обнаружить” запрященный подлинный смысл и “узнать” неузнанное <...>. Другими словами, в загадке два различных смысловых ряда означают одно и то же, а в метафоре два тождества означают разное» [Фрейденберг 1998: 248–249].

Подробный механизм образования мифометафор и проект Словаря мифообразов см. в диссертации в табл. **Приложения 1 и 2**. Всего выделено 14 групп мМ, в частности, *небо, свет, тень, солнце, месяц, звезды, огонь, вода, дым, печь, времена года, мороз, снег, день, ночь, свеча* и их немецких эквивалентов. Проанализированы следующие виды моделей мифометафор: зооморфные, вещные / артефактные, антропоморфные, фитоморфные, биоморфные, гастрономические, ландшафтные, пространственные, теоморфные, метафоры стихии, временные, астральные, акциональные, метафоры вещества, соматические. Например, табл. 1.13а «ДЕНЬ / TAG»:

Метафоры	В русских загадках	В немецких загадках
1) Зооморфная	<i>Белый вол; ясен сокол; перо; белая сторона пера; 365 лебедей; 365 скворцов; 300 гусей; 7 беленьких яиц; 7 зародышей (в яйцах); (седьмое красное) яйцо (воскресенье); 7 беленьких яиц; 7 цыплят</i>	<i>Jede Katz' hat ein weißes Junges; 30 Nest; ein weiss und schwarzer Ratz; das Gespann aus zweimal Sieben besteht: /Die einen sind schwarz, die andern weiß,</i>
2) Антропоморфная	<i>Белый Мартын; супостат; светлая сестра (ночи); брат от сестры (ночи) прячется 7 братьев; брат (ночи) разрядился; 30 дочерей, наполовину красных; 30 гостей; семеро мужиков без топоров</i>	<i>Ein Knabe, schön wie Engel; ein zartes Kind (der Nacht); junge und grüne Kinder (des Baumes); der Bruder (der Nacht); das Gespann aus sieben weissen Frauen; die Söhne; der Junge / 7 Jungen; sieben Kinder, /halb hell, halb dunkel; Bruder (und Schwester); ein paar mit mann und weib; das Kind, zum Sterben auserkoren, aus seinem Tod wird Mutter neu geboren; Söhne machen die Väter</i>
3) Фитоморфная	<i>Сухая половина дуба; листья, белые с одной стороны; 300 листьев; 7 отростков (сосны); 50 сучков да 300</i>	<i>Die Blätter, auf einer Seite zu dem Licht, kohlschwarz ist die zweite</i>

	<i>листьяв; 7-й лист золотой</i>	
4) Артефактная	<i>Белое полотно; веретено / веретен; 366 (365) град; 6 простых листов книги, 7-ой золотой (воскресенье); 30 постель</i>	<i>7 Körbe; ein voller / 2 Eimer</i>
5) Пространственная	<i>Мост на 7 верст; золотая верста (воскресенье)</i>	
6) Биоморфная	<i>Сам придет; к вечеру умирает – поутру оживает; родился – рос – помер;</i>	<i>Jagen; kriegen</i>
7) Акциональная	<i>По семи выстрелов</i>	

**Фрагмент словаря МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КЛАСТЕРА
«НЕБО / HIMMEL»**

Мифо-концепт	мифометафора	Tertium comparationis	Предмет / аспект сравнения	мифологическая символика
Небо	Синий /черный бархат (никому не собрать)	Цвет, Ткань	<i>Бархат</i> – плотная мягкая ткань цвета с ворсом	Сверхъестественность. Вещи воспроизводят мировой порядок. Архаическая картина мира имеет всеобщий единый смысл, поэтому вещь – сотворенный космос: стихия, зверь, герой [Шестак 2003: 73]
	Матушкина скатерть (никому не собрать)	Необъятный размер	<i>Скатерть</i> – предмет из ткани, покрывало для стола	Сверхъестественность; защита
	Голубой платок	Цвет, покрывало	<i>Платок</i> – ткань голубого цвета, покрывало для головы	Сакральность; защита
	Синий полог	Цвет, завеса	<i>Полог</i> – ткань, закрывающая что-то от глаз; завеса	Сакральность; защита
	Пестра подушечка	Разноцветные пятна	<i>Подушка</i> – опора чего-л. <i>Пестрый</i> – мягкая ткань с разноцветным рисунком	Звезды на небе
	ковер	Узор	<i>Ковер</i> – тяжелая <i>узорчатая</i> ткань	Звезды и луна на небе

			для украшения	
	рогожка	Мелкие отверстия в ткани	<i>Рогожа</i> – грубая плетеная ткань из мочала	Звезды на небе
	Худенька шубенка	Отверстия /дырочки в одежде	<i>Шуба</i> – меховая одежда. <i>Худой</i> – то же, что <i>плохой</i> (не удовлетворяющий каким-л. требованиям)	Поглощает космические тела (солнце, месяц, звезды)
	Синяя шапка вся в заплатках	Цвет; кусочки ткани; Покрывание для головы	<i>Заплата</i> – кусок ткани, пришитый на дырявое место. <i>Шапка</i> – теплый, мягкий головной убор. Цвет неба	Поглощает космические тела (солнце, месяц, звезды). защита
Небо, биомофная метафора	Два стоят / стоящих (небо и земля)	Вертикальное положение, покой, неподвижность		Символ всего божественного, первоначало. Направленность вверх
Himmel	Тwee wol stahnde / Zwei Dinge stehen (Himmel u. Erde)	См. предыдущую строку		
	Himmelsstrass'	Путь в небесах		Связь с библейским путем. Символ образа жизни и судьбы, также символ учения, закона.
	Himmelspforte	Вход на небо/ выход с неба	<i>Ворота</i> – проход внутрь строения или за ограду	Сакральность. Небесные врата больше самого Бога. Символика ворот указывает на иное пространство за ними, которое они защищают
	Himmel und Erde			Образ неба-Бога, величие которого охватывает целиком небо и землю
	Bettuch	покрывало		Защита земли
	Stoppelsieb	См. рус. решето		

Народная / фольклорная загадка представляет собой оптимальный материал для метафорического анализа в силу своей структурной и концептуально-смысловой особенности. Как известно, загадка состоит из двух частей: в первой даются указания на характерные черты и функции скрытого денотата (загадку), а во второй – отгадка. Проанализированные загадки космогоничны и космологичны. В древнейшие времена тексты загадок имели сакральный характер и использовались во время ритуалов перехода при смене важных временных периодов.

Как свидетельствует материал исследования, кластер «НЕБО / HIMMEL», включающий богатый спектр компонентов-загадок, достаточно широко представлен как в русском, так и в немецком языках. Со всей полнотой и глубиной смысл каждого концепта раскрывается в мифосознании архаического человека, а также в символическом аспекте каждого концепта. Сложную структуру имеет не только концепт 'небо', но и входящие в него и примыкающие к нему концепты 'солнце', 'луна', 'звезды', 'вода', 'огонь' и др. Отметим, что отдельные диады в загадках не представлены правыми членами оппозиций, в частности, оппозиция *свет – тьма*. В отдельных загадках достаточно много говорится о свете, в то время как о тьме – почти ничего, что, вероятно, связано с табуированием номинации *тьма*.

В народных загадках небесный объект нередко кодируется знаком, характеризующим крестьянское изобилие, достаток: *Полно корыто / Огурцов намыто* (Небо и звезды); *Золота кубышка, / На море не тонет / И в огне не горит* (Месяц); *Полна печь пирогов* (Звезды). Анализ метафорических МО позволил выявить преобладание разнообразных мифологических образов и мифологических метафор в русских загадках, в отличие от немецких.

Биоморфная мМ оформилась во времена глубокой древности и презентирована преимущественно одушевленными образами живого существа. Их соотношение в обоих языках – 106:63 (рус.: нем.). Зооморфные (103:51) и фитоморфные мМ (30:14) акцентируют взаимосвязь человека с природой в ее естественном и непрерывном развитии. В русских мМ чаще

всего встречается МО *коня / лошади* (12) и *быка* (11), *собаки* и *птицы* (по 6), *коровы* и *овцы* (по 5 образов), немецких – *Maus* (4). Вещные / артефактные мМ, также отличающиеся древностью происхождения, отражают гармонию мира и космос. Их соотношение в обоих языках – 145:30. Русских мМ по данной теме в 5 раз больше немецких. В русских загадках частотны мМ *шубы* и *скатерти* (по 4).

При метафорической проекции самой многочисленной – антропоморфной мМ (182:154), возникшей уже в родовой период развития, – наиболее продуктивна сфера «родство». Посредством метафорического родства передаются значения нравственных ценностей, идеологических установок, связанные с положительными смыслами. Наиболее частотны русские мифообразы: *старик*, *дед*, *девица* (по 5), *мать* (4). В немецких – *Mann* (11), *Kind* (6); *Sohn*, *Lebendiger*, *Bruder*, *Frau / Weib* (по 4). В немецком материале лакунарны следующие мМ: пространственная, гастрономическая, биоморфная, зооморфная и ландшафтная (у 4 концептов, по сравнению с русскими); временная, вещная (у 2 русских концептов); фитоморфная, мМ стихии, мМ вещества, астральная и акциональная (у одного русского концепта). Русские лакунарные мМ: теоморфные, антропоморфные (у 3 немецких концептов), биоформные (у 2 немецких), фитоморфные, вещные, гастрономические, пространственные (у одной немецкой).

Многие МО указывают на сверхъестественность, божественность, сакральность элемента, с которым они связаны. Почти все метафоры обладают собственной символикой, такой как *круг* (форма солнца), *золото* (цвет солнца), *серебро* (цвет месяца), *сито* (символ плодородия), *печь* (материнский символ, центр домашнего мира), *дерево* (Мировое дерево, Мировая ось, мировой столп, древо жизни, лестница в небо, местожительство богов), сакральные действия типа *жертвоприношения*, *ритуала* и т. д. Рассмотренные нами мифоконцепты отличаются особой ценностной наполненностью в обоих языках. Представляется важным отметить, что изученные нами концепты, обладающие исходным общечеловеческим

статусом, отражают наличие в картине мира носителей разных языков как национальные, так и наднациональные вербально-ментальные компоненты.

Третья глава «**Религиозно-магический пласт в системе заговорных текстов**» посвящена изучению заговоров в теоретическом и практическом аспектах с акцентированием наших интересов на выявлении сущности магии и заговорных текстов, выяснении соотношения магии и религии, язычества и христианства, на адресации заговоров, выявлении следов язычества в заговорных текстах, их качественных и пространственно-временных характеристик, а также на сопоставлении их содержания с загадками.

Проведенный вербально-концептуальный анализ русских и немецких заговоров, смысловое содержание которых наиболее полно отражают ключевые слова кластера «НЕБО», позволяет выделить следующие общие для обоих языковых сообществ магиико-религиозные формулы и мотивы:

1) *космологические и космогонические* мотивы; 2) формулы, описывающие *структуру пространства*; 3) кодирование ключевых идей *одним и тем же* индоевропейским корнем: ‘стоять, stehen’ (ие. *st(h)ā-, *st(h)ǝ-); 4) мотив *движения* вверх, к небу (божествам); 5) индоевропейская формула ‘*небо & земля*’; 6) формула *небесного царства*, рая; 7) мифологема ‘*небесный свет*’; 8) формула *связи огня со всем сущим*; 9) мотив *связи месяца / луны с преисподней*; 10) мотив *ограждения от враждебных сил*; 8) мотив *чудесного одевания*; 11) конструкции, описывающие *состав человеческого тела*; 12) мотив *связи месяца / луны с исцелением*; 13) мотив *отсутствия места для враждебных сил (болезней)/ссылание болезней*; 14) мотив *изгнания червя / болезни* из тела человека; 15) мотив *сжигания /засыхания* болезни.

Сравниваемые заговорные формулы обнаруживают специфические мотивы, характерные для одного из анализируемых языков, ср. формулы: для **русского языка**: 1) мифологема *мать-сыра земля*; 2) формула *временного континуума*; 3) мотив *пространственной ориентации*; 4) мифологема *темный лес, темное царство*; 5) мотив *пути* героя для встречи с магическим персонажем; 6) мифологема *центра мира*; 7) мифологема *(светящегося)*

камня; 8) мотив *огненного царя /коня /копья, огненной стрелы*; 9) мотив *в печи огонь горит*; 10) формула ‘*замóк & ключ*’; 11) мотив *чудесной щуки*; 12) мотив *чудесного мужа*; 13) мотив *загрызания болезни*. Для **немецкого**: 1) мотив *вознесения на небо (Himmelfahrt)*; 3) формула *счета звезд*; 5) мотив *отсечения болезни*; 4) мотив *мертвой руки*; 5) мотив *розы*.

Результаты анализа русских и немецких заговорных текстов позволяют заключить, что использованные ключевые слова отдельных мифоконцептов кластера «НЕБО / HIMMEL» выступают во фрагментах заговорных текстов, содержащих достаточно большое количество важных для данных текстов мифологем, мотивов и формул. Совпадения в обеих традициях затрагивают важнейшие в концептуальном отношении индоевропейские комплексы и обладают элементами определенной организации. При этом мы обнаружили также определенные этнокультурные расхождения в трактовке некоторых заговоров. В текстовом пространстве русских и немецких заговоров в целом используются аналогичные приемы, имеющие общие цели – приведение в желаемое состояние окружающего мира с помощью быстрого и четко ориентированного «удара». Многие цели и приемы обнаруживают общие основы, но способы их реализации несколько различаются, что согласуется со структурно-сюжетной ориентированностью текстов: русские заговоры отличаются пространственными характеристиками, тяготеют к эпическому типу, нарративу, немецкие более ориентированы на заклинательный тип, чаще имеют рифму и краткость изложения. Данные анализа позволяют говорить о различном отношении русских и немцев к использованию слова: опираясь на одинаковые вербальные функции и приемы, немецкая традиция относится к слову больше как к цели (произнесение «правильного» слова, ср. каббалистические тенденции в немецких заговорах), русская же, в свою очередь, пользуется словом как средством для построения более сложных семантических и синтаксических структур.

В нашем исследовании выделены основные точки *неба* и ключевые слова-концепты, на основе которых может быть построена космологическая

модель мира в русских и немецких заговорах: *небо – земля, свет – тьма, солнце – луна, звезды, зори, огонь, пространство – время, металлы*. При общем сходстве выделенных концептов обращает на себя внимание различие в их содержательном составе: в немецких заговорах отсутствуют или представлены незначительно некоторые концепты, к примеру, *тьма, зори, пространство, время, металлы*.

Анализ элементов заговорной космологической модели мира позволяет сделать вывод, что многие мифоконцепты репрезентируют образы самостоятельных персонажей, способных передвигаться, совершать человеческие действия (говорить, есть, пить, спать), наделяются зооморфными и антропоморфными чертами, могут, как человек, рождаться, иметь родственников (мать, отца, брата, сестру). Особенностью русской традиции является описание персонажей во всем многообразии (для чего используются многочисленные обычные и постоянные эпитеты). В немецких заговорах подобные подробные описания отсутствуют.

Большая часть заговоров посвящена борьбе с болезнями. Образ носителя болезни в русской и немецкой картинах мира в основном идентичен. Но человек в немецких заговорах представлен более обобщенно и абстрактно, чем в русских, набор частей его тела более фрагментарен. Русские заговоры конкретны и многословны, имеют избыточное описание частей тела жертвы, знахарь ставит своей целью освободить от болезни даже отдельные самые мелкие органы тела. При этом любая болезнь изгоняется из всех органов последовательно (порядок может быть разный, но, как правило, начинается изгнание болезни с костей, жил, головы). В немецких заговорах адресантами чаще всего являются христианские реалии. Все это свидетельствует, на наш взгляд, о более древнем происхождении русских заговоров. В обеих заговорных традициях проявляется переплетение языческих элементов с христианскими. К моменту христианизации национальные мифологии, особенно восточнославянская, уже были оформлены в целостные мировоззренческие системы и представляли собой

комплекс из анимизма, зооморфизма, антропоморфизма, к которым поэтапно присоединялись и христианские идеи.

Заговоры о вредоносном воздействии нечистой силы характеризуются взаимоотношением заговаривающего с мифологическим персонажем: это мотивы изгнания, отпугивания злых духов, защиты от них; возможны мотивы установления контактов с ними и с помощниками сакральных существ. Вокативные формулы в составах заговоров различаются прямым обращением к силам природы, духовным силам и к посредникам, способным помочь избавиться от угрозы. Особо почтительны обращения к мифологическому персонажу по имени, в частности, к христианским персонажам (Богородица, Иисус, Господь и т. д.), хотя иногда это просто фоновые имена. В основе адресации встречаются перечислительные ряды: *заря утренняя, заря вечерняя, заря полуночная...* Кроме формул изгнания, встречаются просьбы к мифологическим персонажам, договоры с ними, мотивы обмена или вступления в родственные отношения с помощниками, в том числе с представителями христианского культа, остальные посредники – это небесные светила и природные явления, связанные со сменой дня и ночи (месяц, звезды, солнце, заря и др.), иногда обращения к небесным светилам связано с поверьями, что свет, заря прогоняют духов, т. е. в них проявляется язычество и обнаруживается языческий субстрат.

Следует также подчеркнуть, что русские заговоры имеют довольно обширный пласт как языческих, так и христианских элементов в своем составе, в отличие от немецких, где христианских элементов несколько больше. Их соотношение: языческие элементы в русском материале – 208 (47,6%), в немецком – 74 (42%); христианские элементы в русских заговорах – 228 (52,4%), в немецких – 105 (58%). Таким образом, можно сделать вывод, что русские заговоры примерно одинаково тяготеют как к языческой, так и к христианской религиям, а немецкие – более к христианской вере.

При сопоставительном исследовании концептосферы фольклора в разных жанрах традиции нами выявлены концепты, общие для сравниваемых

жанров в обоих языках, а также уникальные, специфичные для народных загадок и заговоров смысловые особенности одних и тех же концептов, что обусловлено эпохой их создания и различиями в развитии вербального и религиозного сознания изучаемых языковых сообществ. Если значение заговорных концептов можно объяснить магическим мышлением и древнейшими мифологическими представлениями, то когнитивные признаки концептов загадок свидетельствует больше о представлении архаического человека о природе и о большой роли ритуала в повседневной жизни.

Материал исследования подтверждает, что концептосфера фольклора имеет иерархическую организацию, а его язык воплощает традиционные мифологические, религиозные и фольклорные культурные смыслы. ФКМ, в свою очередь, как перекодированная форма представления традиционной культуры, являет собой совокупность мифологического, языческого, религиозного и народно-православного миропонимания.

Таким образом, проведенный нами анализ русской и немецкой лингво-ментальности на материале фольклорной концептосферы как основы ФЯКМ, позволил сделать вывод, что язык фольклора как средство воплощения народной языковой традиции обнаруживает вербально-концептуальные и ценностные константы русской и немецкой лингво-ментальности, определяющие их своеобразие. Выделенные и проанализированные нами основные мифоконцепты русского и немецкого кластера «НЕБО / HIMMEL» в контексте заговоров и загадок показывают, что в русской вербальной традиции они образуют общефольклорное семиотическое ядро благодаря их частотности и образности, а в немецкой традиции они тяготеют более к периферии. Отмечаем также, что в немецком материале наличествует множество христианских мотивов, в то время как в русском преобладает языческий субстрат, что может свидетельствовать о более позднем появлении в русской языческой религии мотивов христианства.

Русские и немецкие фольклорные тексты, являясь по своей природе древними сакральными текстами, обнаруживают различную направленность;

так, загадки направлены на сохранение и защиту окружающего мира с помощью сакральных сил Природы, а заговоры – на исполнение желания отдельного индивида через сакрального посредника. В загадках показан процесс последовательного мифотворения – первотворения, воплощенного в «числовых» русских загадках, где *небо* – отец, *земля* – мать, часто в загадках показано их единство. Уже здесь формируется софийность русского человека, рожденного для поклонения перед красотой природных явлений.

В заключение необходимо подчеркнуть, что фольклорные тексты обеих языковых традиций демонстрируют разное отношение носителей концептуального сознания к окружающему миру. Немецкий взгляд на вещи более конкретен и прагматичен, что выражается в определенном игнорировании отдельных предметов и явлений окружающего мира, поэтому в немецких вербальных источниках отсутствуют некоторые содержательные параллели с русским языковым материалом.

Результаты нашей работы должны способствовать дальнейшей разработке методики проведения анализа языка фольклора в сопоставляемых языковых сообществах. Полученные выводы расширяют и углубляют представление об общих и частных законах становления разных этносов, структурирования их КМ и вносят определенный вклад в развитие сопоставительного языкознания, концептологии, этнолингвистики и фольклористики. Результаты, полученные в диссертации, могут быть использованы в возможных дальнейших исследованиях концептосфер различных социумов, их ФЯКМ и менталитета.

Основные положения диссертации изложены в 140 публикациях, в частности:

I. Научные статьи в ведущих российских печатных изданиях, рекомендованных ВАК для публикации основных положений докторской диссертации:

1. К проблеме когнитивно-вербального моделирования в русской фразеологической картине мира (на примере анализа концепта «металл») //

Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2006. – В. 4 (44). – С. 464–469. (соавтор Фесенко Т. А.)

2. Теоморфные признаки концепта HIMMEL как отражение коллективного бессознательного // Вопросы когнитивной лингвистики : научно-теоретический журнал. 2009. № 2. – С. 53–63.

3. «Следы» язычества в русских народных загадках // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 10 (78). – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2009. – С. 176–185.

4. Пространственная парадигма в рамках русской заговорной модели мира // Известия Волгоградского государственного педагогического ун-та : научный журнал. Серия «Филологические науки». 2010. № 2(46). Волгоград : ВГПУ, Перемена. – С. 116–120.

5. Древнегерманский концепт «Солнце»: на материале заговорных текстов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 10 (54). – Волгоград: ВГПУ, Перемена. – С. 101–104.

6. Концепт «цвет» (белый): на материале русских и немецких паремий // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 2. Сер. Филол. науки. –Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. –С.62–70.

7. Миф как когнитивная парадигма // Вопросы когнитивной лингвистики: научно-теоретический журнал. 2011. № 2. – Тамбов: Ин-т языкознания РАН, Тамбовск. ГУ. – С. 40–49.

8. Взаимодействие языческого сознания и христианства при вербализации немецких заговоров // Когнитивные исследования языка. Вып. VIII. Проблемы языкового сознания / отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : ТГУ, 2011. – С. 440–442.

9. Пространственные признаки концепта «небо» / «Himmel»: на материале русских и немецких пословиц и поговорок // Когнитивные исследования языка. Вып. IX : Взаимодействие когнитивных и языковых структур : сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова, отв. ред. В. З. Демьянков. – М. : ИЯ РАН; Тамбов : ТГУ. 2011. – С. 246–252.

10. Фразеосочетания с ключевым компонентом «свет / иной мир» (на материале русских фольклорных текстов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2011. № 10 (64). – Волгоград : ВГПУ, Перемена. – С. 76–80.

11. Взаимодействие язычества и христианства в немецких заговорах // Вестник Костромского гос. университета им. Н. А. Некрасова: научно-метод. журнал. 2011. № 3. Т. 17. – Кострома: Изд-во КГУ, 2011. – С.118–122.

12. Концепт «святой» в русском православном сознании (на материале пословиц и поговорок) // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве РМ: научный журнал / гл. ред. В. А. Юрченков. 2012. № 1 (21). – Саранск, 2012. – С. 116–123.

13. Концепт '*LETO / SOMMER*': на материале русских и немецких пословиц // Когнитивные исследования языка. Вып. XI. Сб. мат-лов / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. – М. : ИЯ РАН; Тамбов : ТГУ. 2012. – С. 466–468.

14. Синкретизм мифологического сознания: на материале русских космологических загадок // Когнитивные исследования языка. Вып. XVI : Языковое сознание и когнитивное моделирование: сб. научн. тр. /отв. ред. вып. Л. А. Фурс. – Тамбов: Издат. дом ТГУ, 2014. – С. 95–105.

16. Соотношение народной молитвы и заговора // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – В. 18 (704). Языкознание: Религиозная коммуникация и профессиональное образование. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 96–108.

17. Синкретизм религиозного и магического сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. XVIII: Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований /отв. ред. вып. Е. И. Голованова. – М.: ИЯ РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ; Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2014. – С. 349–352.

18. Концепт *соборность* и его вербализация в русских пословицах и поговорках // Вопросы филологии: научн. журнал. – 2014. № 1 (46). – ИЯ РАН, МИИЯ. – С. 55–59.

19. Сакральный текст как лингвокультурный феномен // Филология и культура. *Philology and Culture: научный журнал.* – 2015. – № 2 (40). – Казань: Казан. федер. ун-т. – С. 151–156.

20. Священное как элемент религиозного сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. XXI: Проблемы современной лингвистики: на стыке когнициии и коммуникации / отв. ред. вып. Л. В. Бабина. – М. : ИЯ РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2015. – № 21. – С. 193–196.

21. Артефактный код культуры как отражение мифологического сознания: на материале фольклорных текстов // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII: Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований / отв. ред. вып. Т. А. Клепикова. – М. : ИЯ РАН; Тамбов : Изд. дом ТГУ, СПб. : ООО «Книжный дом», 2015. – С. 874–877.

22. Религиозная картина мира // Когнитивные исследования языка. Вып. XXV: Язык и человек: проблемы когнициии и коммуникации / отв. ред. вып. Л. Панасенко. – М.: ИЯ РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2016. – С. 147–153.

23. Концептуализация мифологического времени // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVI: Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике / отв. ред. вып. Т. В. Хвесько. – 2016. – М. : ИЯ РАН; Тюменский ГУ. – Тюмень: «Айвекс», 2016. – С. 299–302.

24. Антропоцентрический аспект номинации *огонь* в русской народной загадке // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: мат-лы Круглого стола 8.11.2016 г. / отв. ред. вып. В. З. Демьянков. – 2016. – М. : ИЯ РАН; Тамбов: ТГУ, 2016. – С. 638–645.

25. Языческая религиозная память античности как социальное явление // Современные исследования социальных проблем / гл. ред. В. М. Абросимов. – № 3–1(27). – Красноярск, 2016. – С. 186–208.

26. Когнициия и архаическая коммуникация // Когнитивные исследования языка: Когнициия и коммуникация в лингвистических исследованиях. Вып. 29. – М., Тамбов: ИЯ РАН, 2017. С. С. 199–206.

27. Антропоцентрический аспект номинации *ВОДА* в русской народной загадке // Когнитивные исследования языка: Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях. В.30.–М., Тамбов: ИЯ РАН, 2017. С.474–477.

II. Монографические издания

28. Специфика культурных концептов ‘солнце’ /’*Sonne*’: на материале русских и немецких пословиц и поговорок // Слово. Предложение. Текст : /ред. колл. Т. В. Бахвалова и др. – Орел : ОГУ, 2009. – С. 476–479 (статья в коллективной монографии)

29. Фольклорные тексты в структуре вербального мифологического сознания (лингвокультурологическое исследование на материале русского и немецкого языков): монография / науч. ред. Т. А. Янссен-Фесенко. – Саранск; Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 416 с. (усл. п. л. 24,18).

30. Специфика базовых концептуальных структур как отражение моделей этнокультурного сознания и вербальной памяти (на материале русских и немецких фольклорных текстов) (Монография) – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 228 с. (соавторы Фесенко С. Л., Янссен-Фесенко Т. А.)

III. Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов и материалов конференций:

31. Концепт «свет» как константа обыденного языкового сознания русского лингвокультурного сообщества // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2. – С. 65–71. (соавтор Фесенко Т. А.)

32. Сопоставительный анализ концепта «свет» в русском и немецком языках // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. научн. тр. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2005. – С. 251–257.

33. *Утро* и *вечер* в структуре темпорального признака концепта «свет» (на материале русского и немецкого языков) // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов 26–28 сент. 2006 г. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбовск. ун-та, 2006. – С. 383–385.

34. Дихотомия *день – ночь* как репрезентанты темпорального признака концепта «свет – тьма» (на материале русского и немецкого языков) // Новое в когнитивной лингвистике: Мат-лы междунар. научн. конф. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (29–31.08.06) / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: Изд-во Кем ГУ, 2006. – С. 590–596.
35. Структура пропозиционально-ассоциативного фрейма «Солнце» // Русский язык: исторические судьбы и современность: Мат-лы 3-го междунар. конгресса исследов. русского яз. МАПРЯЛ. 20–23.03.2007. – М.: МГУ. С. 158.
36. Интерпретационное поле немецкого концепта 'Feuer' // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. В. 5: Междунар. сб. научн. тр. – М.-Пятигорск, 2007. – С. 81–88.
37. Номинация «свеча» как репрезентант концепта «свет» // Ethnogermetik und kognitive Linguistik / Hrsg. von R. D. Kerimov. Bd.12 – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2007. – S. 320–325.
38. Мифореконструкция концепта “небо” на материале русских паремий: пространственные признаки // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. В. 6. Ч. 1: Междунар. сб. научн. тр. – М. – Пятигорск: Пятиг. госуд. лингв. ун-т, 2007. – С. 197–205.
39. Структура пропозитивно-ассоциативного фрейма немецкого концепта “Stern” // Русская германистика: Ежегодник Росс. Союза германистов. Спецвыпуск. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2007. – С. 89–95.
40. Коллективное бессознательное как основа мифотворческого сознания // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Мат-лы Междунар. научн. конф. (Ульяновск, 13-17 мая 2008) / отв. ред. А. В. Пузырев. – М., Ульяновск: ИЯ РАН, Ульяновск. гос. ун-т, 2008. – С. 45–46.
41. Концептуализация номинации «Небо» (на материале русских заговорных текстов) // Лингвистика. Герменевтика. Концептология: Сб. научн. тр., посв. 60-летию проф. Е. А. Пименова / отв. ред. Р. Д. Керимов. – Кемерово: ГП КО, 2008. – С. 121–131.

42. Концепт «СВЕТ» (на материале заговорных текстов) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Сб. статей участников IV междунар. научн. конф. 25-26.04.08. Т. 2. / отв. ред. Л.А. Нефедова. – Челябинск: «Изд-во РЕКПОЛ», 2008. С. 386–390.

43. Словосочетание *темный лес* как репрезентант концепта ‘чужой’: на материале русских заговорных текстов // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Мат-лы XIII Междунар. научно-практ. конф. 20.06.08 / отв. ред. Г. М. Костюшкина. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – С. 115–119.

44. Структура концепта «тьень»: на материале русских народных загадок. // Альманах современной науки и образования: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. Ч.2. /отв. ред. А.Арестова. –Тамбов: Грамота, 2008. С.214–216.

45. Антропо- и теоморфные признаки концепта СОЛНЦЕ: на материале русских заговорных текстов // Актуальные проблемы коммуникации и культуры – 7: Междунар. сб. научн. трудов /отв. ред. Н. Л. Грейдина. – Пятигорск: ПГЛУ, 2008. – С. 397–401.

46. Специфика концепта «небо / Himmel» (на материале русских и немецких паремий) // Многоязычие и межкультурное взаимодействие: Мат-лы междунар. конф. к 80-летию проф. С.Я. Гельберг / сост. и отв. ред. Т. И. Зеленина, Н. И. Пушина. – Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2008. – С. 301–302.

47. Поле интерпретации концепта «свет»: на материале русских паремий // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов 8-10.10.08 /отв. ред. Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 2008. – С. 228–231.

48. Концепт «свет»: на материале русских паремий // Труды по когнитивной лингвистике: сб. научн. статей, посвящен. 30-летнему юбилею каф. общ. языкозн. и слав. языков КемГУ / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2008. – С. 497–502.

49. Поле интерпретации немецкого концепта «Schatten // Актуальные проблемы германистики и романистики: сб. статей по мат-лам межвуз.

научн. конф. 9-10.10.2008. Ч. 1 / отв.ред. Г.И. Краморенко. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. В. XII. – С. 40–46.

50. Роль мифологического сознания в формировании языковой личности архаичного Наблюдателя // Личность в межкультурном пространстве: мат-лы III Междунар. конф. Ч. 2. 20-21.11.08. / отв. ред. Г. Н. Каменева, М. А. Селиверстова. – М.: РУДН, 2008. – С. 252–256.

51. Временные признаки концепта «месяц / луна»: на материале заговорных текстов // *Lingua mobilis*: научный журнал / гл. ред. А. А. Селютин. - 2008. № 5 (14). - Челябинск: Чел. ГУ. – С. 122–127.

52. Мифореставрация концепта «солнце»: на материале русских загадок // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: Мат-лы Всеросс. научн. конф. с междунар. участ. 28 октября 2008 г., т. 2. /редкол. Р. М. Асадуллин и др. – Уфа: Изд-во БГПУ. – С. 330–337.

53. Мифопоэтическое сознание как основа метафоризации: на материале текстов русских народных загадок // Язык. Культура. Коммуникация: мат-лы заочн. научн. конф. : в 2-х т. /под ред. Е. Борисовой, М. Капрусовой. – Борисоглебск, 2008. Т. 1 : Язык. Текст. Культура. С. 73–77.

54. Фразеологические единицы с ключевым компонентом «свет /мир» (на материале заговорных текстов) // Фразеология и фразеодидактика: актуальные проблемы: Вып. 1: сб. научн. тр. /отв. ред. Т. Н. Федуленкова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2008. – С. 169–176.

55. Ассоциативная часть фрейма концепта Солнце: на материале заговорных текстов // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21). Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: Ч. 3. – С. 185–187.

56. Метафорические модели концепта «огонь»: на материале русских загадок // Фольклор в контексте культуры: Мат-лы Всеросс. научн. конф. /отв. ред. М. Ш. Абдулаева. – Махачкала: ДГПУ, 2009. – С. 82–85.

57. Дихотомия «огонь – вода»: на материале русских паремий // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. II

Новиковские чтения: Мат-лы Междунар. научн. конф. (Москва, 16–17.04.09) / гл. ред. В. Н. Денисенко. – М.: РУДН, 2009. – С. 633–636.

58. Номинация «печь» как один из репрезентантов концепта *огонь*: на материале русских загадок // *Lingua mobilis*: научный журнал. – 2009. № 2 (16) / гл. ред. А. А. Селютин. – Челябинск: ЧелГУ. – С. 104–111.

59. Концепт «мороз»: на материале русских загадок // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего* : межвуз. сб. науч. тр. (междунар. вып.). В. 12 / отв. ред. С. Волков. – Пенза: Пенз. гос. технолог. акад., 2009. С. 129–131.

50. Концепт «дым» как репрезентант концепта «огонь»: на материале русских загадок // *Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики*: Мат-лы Межрегион. научн. конф. /сост. В.Свиридонова. – Волгоград: Волгоградск. научн. изд-во, 2009. С. 461–465.

61. Концепт «снег»: на материале русских загадок // *Язык в пространстве современной культуры*: мат-лы 2-й Междунар. научно-практ. конф. Краснодар, 15-16.04.09. / оргком. Н. Р. Туравец. – Краснодар: КГУКИ, 2009. – С. 198–201.

62. Время в мифопоэтическом сознании: на материале русских народных загадок // *Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты*: Мат-лы IX-й Междунар. научн. конф. (13–16.05.2009) / отв. ред. А. Пузырёв. – М.; Ульяновск : ИЯ РАН; Ульяновский гос. ун-т, 2009. – С. 19–20.

63. Концепт «Времена года»: на материале русских загадок // *Язык и межкультурная коммуникация* : мат-лы VI Межвуз. научн.-практ. конф. 23-24.04.09 /научн. ред. С. Абрамов. СПб. : Изд-во СПбГУП, 2009. – С. 297–300.

64. Структура пропозитивно-ассоциативного фрейма «огонь»: на материале русских заговорных текстов // *Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях*: сб. статей /отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 453–459.

65. Антропонимические номинации концепта «заря / зоря»: на материале русских заговорных текстов // *Актуальные проблемы*

коммуникации и культуры. Вып. 9: междунар. сб. научн. трудов / отв. ред. Грейдина Н. Л. – М. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. – С. 120–125.

66. Структура пропозитивной части фрейма концепта «солнце»: на материале заговорных текстов // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях: Мат-лы междунар. научно-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения». 12-14 мая 2009 г. – М. : РЕМДЕР, 2009. – С. 50–56.

67. Дихотомия «огонь – вода»: на материале русских пословиц и загадок // Функциональная семантика: сб. докладов Междунар. научн. конф. II Новиковские чтения (Москва, 16-17.04.2009) / гл. ред. В. Н. Денисенко. – М. : РУДН, 2009. – С. 133–139.

68. Антропоморфные признаки концепта «заря / зоря»: на материале русских заговорных текстов // Новое в славянской филологии : сб. статей /отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь : Рибэст, 2009. – С. 387–392.

69. Концепт «металлы» (золото): на материале русских заговорных текстов // Язык, культура, речевое общение: сб. мат-лов междунар. конф.: к 85-летию М. Я. Блоха (19-20.11.09). Ч. 2. / ред. кол. Л. Б. Ковалева и др. – М. : Изд-во «Прометей» МПГУ, 2009. – С. 620–624.

70. Германская (скандинавская) мифология как объект лингвокультурологического исследования // Алдамжаровские чтения - 2009: мат-лы Междунар. научно-практ. конф. /гл. ред. К. К. Жаманбалин. – Костанай (Кустанай): Куст. соц.-техн. ун-тет, 2009. – С. 289–294.

71. Роль мифопоэтического сознания в формировании языковой личности архаичного Наблюдателя // Вестн. Евразийск. национального ун-та им. Л.Гумилева. Сер. Гуманит. наук. 2009. № 5(72).–Астана, 2009. С.157–162.

72. Макроструктура концепта «огонь»: на материале фольклорных текстов // *Lingua-mobilis*: научн. журнал. – 2009. № 5 (19) / гл. ред. А. А. Селютин. – Челябинск: ЧелГУ, 2009. – С. 28–35.

73. Концепты «день» – «ночь» (на материале русских народных загадок) // Язык и мысль: Традиции и новые парадигмы. Вторые Ярославские

лингвистические чтения / сб. научн. тр. междунар. конф. 16–18.06.09. В 2 т. / отв. ред. О. С. Егорова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. – С. 124–129.

74. Мифопоэтический концепт «металлы» (железо): на материале русских заговорных текстов // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгресс исследователей русского языка (20–23.03.10) / сост. М. Л. Ремнева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 279–280.

75. Соотношение концептов «светлый» – «святой» в русском языке // *Lingua-mobilis*: научн. журнал. – 2010. № 3 (22) / гл. ред. Ан. А. Селютин. – Челябинск: ЧелГУ, 2010. – С. 103–108.

76. Следы язычества в русских народных загадках: концепт НЕБО // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов 29.09 – 1.10.10 / отв. ред. Н. Болдырев. – Тамбов: Издат. дом ТГУ, 2010. С. 524–527.

77. Коды культуры немецких и русских народных загадок // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 8. / редкол. Н. Бакши, Н. Трошина и др. – М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 289–300.

78. Мифологический хронотоп как связь пространства и времени // *Lingua mobilis*: науч. журнал. №6(39). 2012. Челябинск: Чел. ГУ, 2012. С. 52–60.

79. Синкретизм мифологического сознания: на материале русских народных загадок // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Мат-лы Междунар. научн. конф. 26–28.11. 2013 / редкол. М. Л. Ремнева и др. – М.: МАКС Пресс, 2013. – С. 404–406.

80. Адресация в вербальной магии: на материале русских заговоров // Лингвистика XXI века. : сб. научн. ст. к 65-летнему юбилею проф. В. А. Масловой / соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. – С. 430–436.

81. Соотношение народной молитвы и заговора // Религиозная коммуникация в пространстве профессионального образования: Тезисы докладов Межотраслевой научно-практ. конф. Москва, 28–29.01.14 / отв. ред. Н. А. Гончарова. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 41–42.

82. Вербальная магия как особый вид колдовства: на материале русских заговоров // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Междунар. конгресс исследоват. русск. языка (М.: МГУ, 18–21.03.14): Труды и мат-лы / сост. М. Ремнева и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 454–455.

83. Сакральность как часть духовной культуры // Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: полифония и диалог смыслов: VII Лазаревские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. 3–6.06.2015. – Челябинск: ЧГАКИ, 2015. – С. 296–299.

84. Сущность религиозных верований как часть духовной культуры // Современные исследования социальных проблем. – Красноярск, 2015. – № 4 (24). – С. 219–243.

85. Мифологический концепт как единица лингвокультурологии // Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: Языковая личность. Текст. Дискурс (междунар. научн. конф. 25-27.09.16). – Кемерово – Ялта, 2016. – С. 102–109.

86. Концепт «Heilige» (святые) в фольклорном сознании немецкого народа // Лингвокультурология : ежегод. сб. науч. тр. / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2016. – Вып. 10. – С. 410–419.